

Станюкович Константин Михайлович

Загадочный пассажир

Константин Михайлович Станюкович

Загадочный пассажир

Рассказ

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

В ночь сочельника трехмачтовый военный крейсер "Руслан" шел под всеми парусами, узлов по десяти, спускаясь к южным широтам.

"Руслан" легко рассекал воду и плавно раскачивался с бока на бок между волн, казалось, почтительно отступающих от него. Ветер был резкий, холодный, но не крепкий и ровный.

Океанская зыбь еще не улеглась. Она вздувалась, и высокие волны с однообразным тихим гулом лениво разбивались одна о другую, и пенящиеся их верхушки рассыпались алмазною пылью, облитые серебристым таинственным светом месяца.

Холодом и какую-то безнадежною тоской одиночества веет и от заседевшего холмистого океана, и от бесстрастно красивой луны, и от звезд, ярко мигающих с темной бездонной выси. Стоящие на вахте матросы, одетые в буршлаты поверх фланелевых рубах, словно бы поддаются тоске этой ночи. И им острее чувствуется, что жизнь их - скверная, служба - проклятая и море - постылое. Молчаливые и серьезные, они взглядывают на океан, отворачиваются от него, и в эту рождественскую ночь их еще сильнее манит домой. И они тихо лясничают между собой о далеких своих местах.

II

И "Ганцакрату Кару Карычу", как прозвали матросы педантичного, хладнокровного, справедливого и добросовестно-недалекого капитана, барона Оскара Оскаровича Нордштрема, и офицерам "очертел" длинный переход. Казалось, в этот вечер большая часть офицеров, засидевшихся в роскошной кают-компании, освещенной электричеством, дольше обыкновенного, скучала и нервничала еще более, чем в прежние дни перехода из Шербурга напрямик в Батавию.

Особенно приуныли семейные.

Даже старший офицер Евгений Николаевич, красивый румяный брюнет с роскошной бородкой, блестящими зубами и золотым *porte-bonheur** на руке, любивший казаться служителем сурового долга, - которому некогда скучать в море, да и неприлично - был сдержанно и достойно серьезен и задумчив.

* браслетом без застежки (франц.).

Обыкновенно великолепный и любивший вставлять веские, авторитетные слова в общие разговоры, любезный со всеми и ни к кому не выказывавший особого расположения, - старший офицер молчал и думал, что встречать праздник несравненно лучше дома, в Петербурге, чем на "Руслане", да еще с людьми, хоть и хорошими, но далеко не такими тонко чувствующими и умными, как он. И, разумеется, Евгений Николаевич не сомневался, что Вавочка, устраивая елку, поплакала о своем одиночестве и, бедная, очень горюет в разлуке.

И с наивною влюбленностью в себя он размышлял:

"Еще бы Вавочке не горевать о нем, внимательном, заботливом, любящем семью! Еще бы не ценить Вавочке такого умного и хорошего человека, который так развил ее ум, так балует подарками! Она знает, что он сделает блестящую карьеру, и семья будет обеспечена. Еще бы не любить такого безукоризненного мужа, который если и изменяет супружескому долгу, то только в дальнем плавании и единственно ради здоровья! Недаром же Вавочка боготворит и смотрит ему в глаза, всегда боящаяся огорчить его. Она - чудная, честная женщина и, разумеется, не позволит себе "подло увлечься", как увлекаются многие соломенные вдовы плавающих моряков... Она и не подумает!"

И в ту же минуту Евгений Николаевич мысленно решил, что в Батавии он непременно съездит на берег.

Другие женатые моряки, вероятно, не считали себя такими великолепными идолами, на которых их жены могли бы молиться. Напротив, если некоторые мужья и не были идолопоклонниками, то во всяком случае - верноподданными своих королев-супруг. Вот отчего они и не могли скрыть, что им сиротливо и одиноко вдали от любимых, да еще в такой вечер.

Особенно был подавленно-грустен старший механик Иван Васильевич, необыкновенно добродушный и милый человек, лет за сорок, которого машинисты и кочегары иначе не называли, как "нашим". И все знают, что старший механик тоскует по своей "королеве Марго", как мичманы прозвали Марию Васильевну.

Ни для кого не было секретом, что этот высокий, плотный и сильный молодец с характером и волей, не позволяющий начальству наступить на ногу, находился в полном рабстве у своей маленькой, худенькой и молодой жены с бледным лицом цыганского типа. Она называла себя непонятой женщиной двадцатого века и не скрывала от Ивана Васильевича, что у него грубая натура, не понимающая ее возвышенной души, и что может понимать ее один только мичман Севрюгин. В утешение она прибавила, что если не оставляет Ивана Васильевича и не ищет заработка, то потому, что она - благородная женщина и не хочет огорчать мужа... Он хоть и низменно ее любит, но любит и ее и детей, так пусть Иван Васильевич остается мужем, не понимая ее, а мичман в то же время будет понимающим другом...

Иван Васильевич еще благодарил жену и, уходя в дальнейшее плавание, ревел как белуга и обещал привезти все, что написала жена в списке, переданном мужу при проводах.

Лейтенант Вершинин, от скуки выпивавший третью бутылку портера, проговорил:

- Что, Иван Васильевич... Небось, об елке мечтаете?

- Вообще! - деликатно ответил Иван Васильевич.

- То-то вообще... И я вообще думаю, что скучища... Тоже поехал бы к знакомым на елку... А вместо этого с полуночи на вахту... Что бы нам зайти на Мыс...{352} Там по крайней мере... англичанки...

Молодой доктор, сидевший за книгой, поднял глаза на Ивана Васильевича.

"Тоже любовь!" - высокомерно подумал доктор и собирался предложить Ивану Васильевичу применить к нему новое средство излечения от страсти, вычитанное недавно им из медицинского журнала.

Видимо не имевшие темы для разговора два скучающие мичмана лениво перекидывались словами о том, когда Батавия и что там интересного, будут ли они произведены в Новый год в лейтенанты, сколько каждый выплыл ценза{353}, и сели играть в шахматы.

- Что бы нам зайти на Мыс! Там по крайней мере англичанки! раздражительно воскликнул Вершинин.

Мичманы оживленно встрепенулись. И один проговорил:

- Вот так чудесно... А то знакомься с малайками на Яве...

- И отчего в самом деле мы не зайдём на Мыс... И нам и команде следовало бы освежиться... А то за какие вины с ума сходить от одури?

- Вам, господа, только на уме берег... Тогда не поступали бы во флот! заметил старший офицер.

- Я и уйду из флота, Евгений Николаич!

- В чиновники? - спросил старший офицер.

- В чиновники. Дядя - товарищ министра. Он устроит.

- Нынче везде без протекции ничего не получишь! - заметил Вершинин.

- Уж будто!.. Нужно и образование, и труд, и способности, - авторитетно промолвил Евгений Николаевич.

Мичман Каврайский, худой, нервный молодой человек с умными небольшими глазами, горевшими злым блеском, сидел в стороне, в кресле у фортепиано, слушал и злился. Злился и оттого, что ему противна служба и он служит, и потому, что он молод и часто кашляет, и потому, что он не знает, к чему приступить и что делать, чтобы не чувствовать постоянного компромисса, и потому, что он не может отделаться от того, что считает позорным, - от лжи, от лицемерия и зависти. Он злился, что слышит здесь одну только пошлость и никто не обращает внимания на его речи, обыкновенно останавливаемые старшим офицером. Он злился и за то, что не может написать на бумаге то, что волнует его и занимает его мысли, - о пересоздании общества, о новой этике, - и за то, что не умеет сложить стихов. Он злился и за то, что он обречен на неизвестность, и что нет у него друга, перед которым мог бы излиться...

Каврайский услышал последние слова старшего офицера, главное - этот тон, увидел красивое, самодовольное лицо.

"Экая ты великолепная скотина!" - хотел крикнуть Каврайский и, вместо этого, волнуясь, проговорил:

- Вы, Евгений Николаевич, конечно, будете адмиралом...

Выходил как будто и комплимент, но старший офицер почувствовал, что хотел сказать Каврайский, и, словно бы не слышал его слов и обратился с чем-то к доктору.

III

- К повороту оверштаг! Право на борт! - донесся через люк взволнованный и неестественно

громкий голос вахтенного офицера.

И в эту же минуту прибежал сверху рассыльный и доложил:

- Справа шлюпка с людьми! Огонь подали.

Все оживились и бросились наверх.

"Руслан" повернул к огоньку, лег в дрейф, и баркас спустили. Ехать на баркасе вызвался Каврайский. Лейтенант Вершинин, заведующий баркасом, охотно согласился. С Каврайским отправлялся доктор. Взяли одеяла и бочонок с ромом, и баркас отвалил.

- А ведь нас может и залить, доктор! - проговорил Каврайский, правя рулем и не отрывая возбужденных, уже не злых глаз с волн.

- Очень жаль, что вы окажетесь плохим моряком, язвительный мичман... У вас печень не в порядке...

- Не зальет! Людей спасем... - восторженно воскликнул мичман.

И на лунном свете его худое, некрасивое лицо казалось таким проникновенным, счастливым.

Беспокоились за баркас и на "Руслане".

И белокурый барон говорил старшему офицеру с едва тревожной нотой в голосе:

- Надо было послать баркас, но если основательно сообразить, то, пожалуй, и не следовало бы...

- Уже поздно теперь соображать, барон!..

- О, нет. Сообразить всегда необходимо, Евгений Николаевич!.. Положим, Каврайский - толковый офицер... Найдется в трудном положении...

Старший офицер промолчал.

- Это про что "Ганцакурат"? - тихо спрашивал унтер-офицер, подходя к рулевым на штурвале.

- Опасается за баркас.

- Зря. Ежели люди на шлюпке в океане, то по какой такой причине нашему баркасу пропасть...

- И как людей не вызволить! - промолвил старший рулевой.

- Мичман вызволит. Башковатый и отчаянный, - уверенно сказал унтер-офицер и отошел к своему месту на шканцы.

Прошло полчаса.

Барон то и дело взглядывал в бинокль. Ни шлюпок, ни огня не было видно.

Барон вздохнул.

- Я и говорил, что надо было обсудить прежде, - снова проговорил Оскар Оскарович.

Прошло еще четверть часа.

- Сигнальщик, видишь?
- Никак нет, вашескобродие!..
- Конечно, надо было послать баркас, но...

Барон речи не досказал. Он увидел в бинокль, что баркас идет к "Руслану".

IV

Наконец подошел баркас и был поднят.

На палубу вошли десять англичан, видимо, матросов с купеческого корабля, спокойно радостных и счастливо улыбающихся, и совсем непохожий ни на моряка, ни на англичанина немолодой господин среднего роста с большой окладистой бородой, в летнем стареньком пальто, высоких сапогах и с сомбреро на красиво посаженной голове.

Обличье и манера показывали интеллигентного человека. Он, казалось, был равнодушен к своему спасению.

В первое мгновение его приняли за шведа или норвежца.

Но велико было общее изумление, когда доктор весело и радостно проговорил, обращаясь к капитану и офицерам, окружившим спасенных:

- Соотечественник... Русский... Сергей Сергеевич Курганин... Пойдемте, Сергей Сергеевич... Сейчас чаю и закусить...

- А поместитесь ко мне, Сергей Сергеевич! - воскликнул Каврайский, весь мокрый.

Все радостно жали руку бородатому господину. Со всех сторон слышались восклицания:

- Как сюда попали?
- Откуда?
- Куда шли?
- На каком пароходе потерпели крушение?
- Потом расскажете мне подробно, Сергей Сергеевич... А пока отдохните после этого ужасного испытания! - говорил капитан.

Курганин слегка приподнимал сомбреро, показывая кудрявые, сильно заседевшие волосы, и не выказывал никакой радости от того, что находится среди любезных соотечественников, и на все вопросы отвечал коротко и даже сухо: "Шел из Вальпараисо{356} на грузовом английском пароходе. Вчера ночью он сгорел. Все спаслись и успели взять свои вещи. Другая шлюпка с капитаном и штурманом ночью разлучилась..."

Затем Курганин пошел за инженер-механиком и Каврайским в кают-компанию. Всем бросилось в глаза это равнодушие Курганина, и его посещение Вальпараисо, и какая-то сдержанность.

Особенно он удивил капитана. Подозвав доктора, он ввел его в свою каюту и тихо и несколько значительно спросил его:

- Кто такой этот господин?

- Я назвал: Курганин.

- Это я слышал, доктор. Но я бы спросил вас, какое его общественное положение, так сказать?

- Не знаю. Не спрашивал, барон... Курганин не из разговорчивых... Но по нескольким его словам видно, что он из интеллигентных людей.

- Зачем же он попал в Вальпараисо? - спрашивал капитан, и его лицо выражало недоумение.

- Верно, путешествует, барон! - нетерпеливо проговорил доктор.

- На грузовом пароходе?

- А что ж... Если нет больших средств.

- Без средств не путешествуют так далеко. Вы заблуждаетесь, любезный доктор... Я плавал много, а в отдаленных странах таких туристов я не видал. Не понимаю. Решительно не понимаю, доктор!

И, видимо старающийся понять и обеспокоенный, что не может понять, барон раздумчиво покачал головой и продолжал:

- Очень странно! "Есть много, друг Горацио..." А вы, доктор, пожалуйста, не беспокойте пассажира расспросами... И намекните, чтобы в кают-компании были деликатны... Все-таки не наше дело, почему этот господин в Вальпараисо... Не наше... И вы, доктор, уж пожалуйста, как тоже больше статский человек, позаботьтесь о пассажире, и вообще, чтобы ему было, знаете ли, спокойно и хорошо... Мне кажется, что он болен... Такое у него лицо... Англичане счастливы, что спасены, а он... Может быть, пожар так подействовал на него...

И, несколько конфузясь, прибавил:

- И вот что еще, доктор... Знаете, так деликатно нужно... Если пассажир, вы понимаете... без средств в путешествии, то как-нибудь... предложите ему взять в долг... Я охотно могу передать вам некоторую сумму... У меня есть лишние сто долларов... Так я, доктор...

Все еще ошалелые глаза барона светились выражением доброты и в то же время стыдливости, когда он прибавил:

- И, прошу вас, доктор, чтобы ни одна душа не знала!..

"Славный ты немца", - подумал доктор и сказал:

- Будьте спокойны, барон. Но я думаю, что Курганин не возьмет... Что-то у него в лице есть...

И - вы правы - нервы у него, должно быть, не в порядке.

В эту минуту вбежал рассыльный.

- Старший офицер велел доложить: прикажете сниматься с "дрейфы"?

- Разумеется... Сниматься...

И, когда рассыльный вышел, барон, любивший сообщать доктору все свои случайные недоумения, сказал:

- Вот и этих англичан... придется везти до Батавии...

- А им, барон, и Курганину нужно на мыс Доброй Надежды...

- То-то и затруднение. Я решил не заходить на Мыс... Так и доложил в Петербурге управляющему министерством... Мы можем делать шикарный переход... И адмирал мне сказал: "Ну что ж... хорошо!.." И мне хочется оправдать его слова...

- Да разве, барон, министру так и нужно, если он сказал: "Ну что ж... хорошо..." Право, ему все равно...

- Но мне не все равно! - не без горделивости промолвил капитан. Правда, появилось новое обстоятельство... Эта шлюпка с русским и англичанами... В том и затруднение... Я уже решил не заходить на Мыс...

- Так завезите англичан и русского в Каптаун{358}... И наша команда освежится... и офицеры... Да и вам, барон, надо развлечься...

- Но как же... Вдруг на Мыс...

- И, право, отлично, барон... Матросы уж затосковали... Да и кают-компания нервничает... Еще бы... Ну, я пойду, барон... Пассажира буду угощать...

- Так вы, доктор, можете по долгу службы подать мне рапорт о том, что для здоровья команды необходимо зайти на Мыс?..

- Обязательно и с восторгом, барон! - сказал доктор и, повеселевши, вышел в кают-компанию.

V

По случаю аврала офицеры были наверху.

Только старший механик оставался около Курганина и хлопотал, чтобы ему скорее подали закусить и чаю.

Неожиданный пассажир хоть и очень интриговал Ивана Васильевича, но уже не производил на него прежнего неприятного впечатления.

Его сухощавое и серьезное лицо, изрезанное морщинами, умное и спокойное, было не из веселых и довольных, и в его глубоко сидящих глазах было что-то тоскливое и вместе с тем непокорное. Но оно не казалось таким сурово-равнодушным и пренебрежительно-сдержанным, каким казалось всем в первый момент появления соотечественника на "Руслане".

Но все-таки что-то странное, непохожее на других, что чувствовалось в этом скромно одетом молчаливом господине, несколько стесняло добряка Ивана Васильевича, и он деликатно не навязывался к нему с расспросами.

Старый механик то и дело пододвигал Курганину то сыр, то колбасу, то разные консервы и вино, и был очень доволен, что человек, только что выскочивший из большой опасности, сидит здесь, где тепло и светло, и уписывает все за обе щеки почти что с жадностью.

Пришел доктор и стал угощать гостя.

- Уж меня угощает господин инженер... Спасибо. Я ем за троих. Забыли взять провизию с парохода.

- И вы не ели сутки?

- Вода была...

Он потом выпил два стакана чаю и спросил:

- Вы куда идете, господа?

- В Батавию, - отвечал механик.

Несколько минут прошло в молчании. Пассажир с удовольствием пил чай.

- Ура! Идем на Мыс! - радостно воскликнул лейтенант Вершинин, входя в кают-компанию. - Сейчас барон велел переменить курс. И пообедаем же мы на берегу после подлых консервов! И увидим, доктор, женскую красоту... Там ведь англичанки. Готовьте только денежки, доктор и Иван Васильевич!

Старший механик добродушно запротестовал.

- Не врите... Я женатый...

- Скажите, пожалуйста, какой Иосиф прекрасный!..{359} Жена в Кронштадте, а вы будете в Капштадте... Наверно туда дернем. От Каптауна два шага...

И, обращаясь к Курганину, лейтенант сказал:

- Мы вас спасли, а вы - нас. Из-за вас да англичан капитан идет на Мыс... Следовательно, не спаси мы Вас, не видать бы нам англичанок... Восхищайся малайками... Так позвольте выпить за ваше здоровье... Какого вина прикажете?

- Никакого.

- Почему?

- Не пью.

- По принципу?

- Из-за печени.

- В таком случае один выпью... Ваше здоровье!

Пришли в кают-компанию и другие офицеры. Все были оживлены.

Еще бы! Через два дня моряки будут на берегу.

И по такому-то случаю кто-то велел подать бутылку шампанского. Содержатель кают-компания приказал подать десять бутылок.

- Согласны, господа?

Все, разумеется, согласились.

Выпили за скорый приход на Мыс. Выпили за капитана, за старшего офицера, за кают-компанию.

Доктор и Каврайский предложили тост за спасенного соотечественника.

Тост был принят сдержанно. Пассажир не разделял общего оживления и многим казался несимпатичным и даже подозрительным. Не рассказывает ни о пожаре на пароходе, ни о себе, ни о том, чем занимается и зачем путешествует.

Подвыпивший Вершинин даже подумал: "Уж не стибрил ли пассажир крупного куша и не

бежал ли из России? По всему видно, что умный человек!"

Однако все подняли бокалы. Курганин только пригубил из своего бокала.

А Вершинин чокнулся и "дипломатически" спросил пассажира:

- Мне кажется, я вас встречал в Петербурге?

- Возможно... Я долго жил в Петербурге.

- Так... так... Извините... Не были вы директором банка?

- Нет! - усмехнулся пассажир.

- Значит, ошибся... А очень на вас похож один директор банка...

- Если бы Сергей Сергеевич был директором банка, то не путешествовал бы на грузовом пароходе! - заметил мичман.

А Каврайский озлился и хотел проучить Вершинина, но вместо того сказал ему:

- Вы... много выпили шампанского!

Молчаливый пассажир взглянул на мичмана, и в глазах его мелькнула ласковая улыбка.

Особенно не нравился пассажир старшему офицеру. Он сразу почувствовал, что этот господин совсем чужой и не из "порядочных" людей. Это видно и по костюму, и по серой фланелевой рубашке, и по несколько грубоватым рукам.

"Да и черт знает, что это за птица? Русский - так и будь русским! Должен почувствовать, что с русскими!.. А между тем сидит точно янки... Скотина!.. Точно не знает приличия".

И старший офицер с усиленной любезностью проговорил:

- Не будет нескромным, если спрошу, давно ли вы из России?

- Год...

- И, верно, соскучились по России?

- Нисколько! - просто и искренно ответил пассажир.

Многие переглянулись.

- Даже нисколько?.. Вы - оригинальный соотечественник! Ведь как там границы ни хороши, а отечество... свое... родное! - впадая в некоторый пафос, продолжал старший офицер. - И там свое дело... служба... друзья... И, главное, домашний очаг... Жена... дети...

И так как пассажир поднял свои внимательно-серьезные глаза на Евгения Николаевича и не торопился отвечать, ожидая, что еще скажет этот видимо влюбленный в себя моряк, то старший офицер почувствовал к пассажиру еще большую неприязнь и, внезапно закипая злостью, продолжал:

- И что, собственно говоря, особенно привлекательного в заграницах?.. Разве что природа, да, пожалуй, хорошие гостиницы... А если сравнить, где проще и сердечнее люди, где больше не показного, а настоящего патриотизма... Где?.. Неужели все эти говорильни не показали их бессилия сделать что-нибудь серьезное...

Пассажир по-прежнему молчал.

И старший офицер не без раздражения спросил:

- Вы, верно, не согласны со мной?..

- Не согласен!

Многие с удивлением взглянули на пассажира.

А старый механик, разрешивший себе кроме шампанского пройтись и по хересам и почувствовавший себя решительно несчастным вдали от королевы Марго, обратился к пассажиру и, слегка заплетая языком, проговорил:

- Сергей Сергеевич!.. Вы не согласны. И это ваше дело. Быть может, и я с вами соглашусь, если узнаю, почему вы не согласны... Но вот мы здесь... Черт знает где... Вы чуть не погибли. Так неужели вас не тянет в Россию... к домашнему очагу?.. А я так сейчас бы в Кронштадт... Извините, Сергей Сергеевич... Сию бы минуту...

- Да у меня семейного очага нет, Иван Васильич! - промолвил пассажир.

- Вы, верно, спать хотите, Сергей Сергеич? - с дипломатической целью спросил доктор.

- И очень.

С этими словами пассажир встал и, сделав общий поклон, ушел в каюту в сопровождении Каврайского.

Когда шампанское было выпито и пора было расходиться, старший офицер не без таинственности произнес:

- А ведь загадочный пассажир!

Почти все согласились, что загадочный.

Были разные предположения: или у пассажира на душе преступление, или он - государственный преступник, бежавший из Сибири, или политически неблагонамеренный человек.

Доктор и Каврайский протестовали против всех предположений.

- Но кто же он такой? - допрашивали офицеры.

- Отчего не объяснит, кто он?

VI

В течение двух дней пассажир сидел в каюте и что-то писал. В кают-компании он по-прежнему был малоразговорчив и на вопросы отвечал лаконически. От предложения доктора дать взаймы он отказался.

Он поблагодарил доктора и сказал:

- Я могу зарабатывать везде... А у меня теперь скромные привычки!

Пассажир заинтересовал всех офицеров. А старший офицер даже начинал трусить. И перед приходом в Каптаун доложил и без того озабоченному капитану:

- Как бы чего не вышло, барон... Если пассажир и вдруг... опасный злоумышленник.

- Так нам какое дело... Мы спасали человека в море! - негодуяще сказал барон. - И почему он должен быть злонамеренным?

Однако и барон был смущен. Ведь в самом деле он так и не знает, кто же у него пассажир. Надо же обозначить в рапорте, какого звания спасенный...

- Как же выйти из этого затруднения? - спрашивал барон.

- Очень просто. Спросите у пассажира... И пусть покажет паспорт...

- Пфуй, как вам не стыдно, Евгений Николаевич! Пфуй! Schande!..* Я и так поверю, что он скажет... И по долгу службы спрошу... И запишу, как он покажет...

* Срам! (нем.).

Когда "Руслан" бросил якорь и пассажир пришел проститься с капитаном, барон крепко пожал руку Курганина, пожелал всего лучшего и, краснея, прибавил:

- Извините... Мне придется написать в рапорте, кого нам бог привел встретить в океане и отвезти в Каптаун... Ваше звание... или чин... или... ну, как вам угодно, Сергей Сергеевич... А мне никакого нет дела... извините... Или...

Пассажир улыбнулся и подал свой заграничный паспорт.

- О, мне не надо... Не надо...

- Так, верно старшему офицеру необходимо. Не угодно ли...

Старший офицер взял и прочитал:

"Отставной статский советник князь Сергей Сергеевич Курганин".

Евгений Николаевич, несколько сконфуженный, возвратил пассажиру паспорт.

Курганин простился с офицерами и с некоторыми матросами и уехал на берег.

Когда все офицеры узнали, кто был пассажир, он сделался во мнении всех еще более загадочным.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАГАДОЧНЫЙ ПАССАЖИР

Впервые - в газете "Русские ведомости", 1901, № 349, с подзаголовком: "Святочный рассказ". Для сборника "Маленькие рассказы", СПб., 1902, рассказ был подвергнут стилистической правке.

Стр. 352. Что бы нам зайти на Мыс... - Имеется в виду мыс Доброй Надежды на южном побережье Африки.

Стр. 353. ...сколько каждый выплыл ценза... - По "Положению о морском цензе" 1885 года производство в каждый следующий чин во флоте было обусловлено "совершением определенного для каждого чина числа плаваний".

Стр. 356. Вальпараисо - город на Тихоокеанском побережье Чили.

Стр. 357. "Есть много, друг Горацио..." - незавершенная цитата из трагедии Шекспира "Гамлет". Гамлет говорит: "Есть много, друг Горацио, тайн" (акт 1, сц. 5).

Стр. 358. Каптаун (Кейптаун, Капштадт) - город на южном побережье Африки.

Стр. 359. Скажите, пожалуйста, какой Иосиф прекрасный!.. - Иосиф Прекрасный - имя библейского юноши, проданного братьями в рабство в Египет, где при дворе фараона его тщетно пыталась соблазнить жена царедворца Потифара (Пентефрия). Его имя стало синонимом целомудрия.

В.Гуминский